

И. И. Банчук

УО МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь)

ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ И АЛЕНА БРАВО: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ В ЖЕНСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Л. Улицкая и А. Браво – яркие представительницы современной женской психологической прозы. Они «родом» из одной страны – СССР, писательский талант обеих сформировался под влиянием социокультурных факторов нового социалистического государства. Творческую карьеру они начали уже после распада Советского Союза, в 90-е годы. Вторая половина XX века в их писательской судьбе – период переосмысления исторического и житейского опыта, время, которое позволило наметить общие подходы к «переработке» накопленного жизненного материала: либерализм с его уважением к свободе волеизъявления и саморазвития, к инаковости от природы как таковой, с интеллектуальностью как эталоном,

к которому необходимо стремиться. Быть честной перед собой и своим читателем – эта ценностная ориентация для писательниц стала единой.

Л. Улицкая и А. Браво – сторонницы феминизма в его самом адекватном понимании как идеологии, поддерживающей сотрудничество мужчины и женщины, как наиболее полноценная форма взаимоотношений в мире. Примечательно, что Л. Улицкая в одном из своих интервью уклончиво отрицала свою принадлежность к феминизму из-за своего же стереотипного понимания его как «матриархальной мизандрии».

В гендерном аспекте обоих авторов, и русского, и белорусского, объединяет общий женский взгляд на мир. В рамках малой эпической прозы (излюбленные литературные жанры – рассказ, повесть) Л. Улицкая и А. Браво творят в едином художественном направлении психологического реализма постмодернистского толка с элементами натурализма (широко используется «поток сознания» как приём, отражаются то сны, то внутренние монологи, то физическое состояние героев). Обе писательницы уделяют большое внимание повседневной стороне жизни, окружающей героев обстановке, их быту, биографическим подробностям (тематические аналогии).

Много совпадений может быть отмечено и на уровне художественной проблематики: оба автора – «неравнодушные писатели», затрагивающие злободневные, остросоциальные темы, которые не всякий художник слова решится рассматривать или способен показать качественно (например, антисемитизм, жизнь диссидентов, супружеская неверность, одинокая старость, жизнь с неизлечимыми заболеваниями, проституция, межнациональный брак, подростковая беременность, отношение к инвалидам и пожилым людям, проблема общественного порицания и др.). Л. Улицкая и А. Браво проявляют интерес к самым болезненным проблемам нашего общества, кропотливо их исследуют и выносят свой писательский «диагноз» для читателя, обратившегося к чтению их художественных «психологических экспериментов».

Современные литературоведы отмечают и стилистическую общность Л. Улицкой и А. Браво: тексты обеих писательниц отличаются сложностью синтаксиса, большой идейно-смысловой насыщенностью, широким использованием иронии как приёма вкупе с её разновидностью – эвфемизацией. Любят привлечь внимание к тексту оба автора с помощью психологических деталей, особенного средства создания образности.

Однако при множестве общих черт у Л. Улицкой и А. Браво существует и множество принципиальных различий, которые имеют прямое отношение к построению «экосистемы» произведений и которые

также легко объяснить, ссылаясь на биографический контекст художественных произведений:

1) самые существенные различия могут быть отмечены в манере повествования. Произведения А. Браво отличаются субъективизмом, исповедальностью, рассказ ведется от первого лица, часто даётся личная оценка происходящему через различные философские монологи, таким образом создаётся «эффект авторского присутствия». Л. Улицкая же стремится передать происходящее объективно и, вместе с тем, отстранённо, присутствие рассказчика неощутимо, и если повествование идёт от первого лица, то, как правило, только непосредственно от лица одного из героев. Отношения автора к происходящему выражается опосредованно, через описание окружающей действительности в экспрессивном или ироническом ключе;

2) подходы к созданию характеров также существенно отличаются. Так, А. Браво предпочитает *«выводить в ранг художественного обобщения свой личный опыт, опыт своей семьи»*, поэтому в образах, созданных ею, к сожалению, наблюдается некоторая однобокость и статичность: черты, несвойственные герою, возводятся в ранг исключения, имеющего место в прошлом, в гипотетическом будущем или в грёзах. Субъективизм А. Браво также сказывается на создании литературных типов: антипатичные герои (главные, второстепенные) описаны с сарказмом и напоминают символические карикатуры, воплощающие общественные пороки. Например, *«мне отвратительны их разомлевшие рожки, оживляющиеся лишь при звоне стаканов...»*, — замечает А. Браво. Положительные персонажи сакрализируются и подаются под слащавым соусом сентиментальности.

Л. Улицкая, создавая художественные характеры, опирается на личный жизненный опыт, однако использует в корне иной подход: каждый из её героев является достаточно яркой и незаменимой индивидуальностью.

Резкий контраст между «плохими» и «хорошими» персонажами отсутствует: как приглядные, так и не очень приглядные черты литературных героев переданы с лёгким юмором и доброжелательностью. Персонажи Л. Улицкой – не «типы», а лишь родные и соседи, единичные, неповторимые личности, которые могут быть знакомы каждому читателю;

3) пути разрешения межличностных конфликтов у обоих авторов противоположны. Взаимоотношения героев Браво несут оттенок отчуждения, недоверия и агрессивности, они в любую секунду готовы перерасти в острый конфликт и привести к вероломному предательству, что зачастую и происходит. Контакты между приятелями, соседями,

мужьями-жёнами, детьми-родителями редко и не до конца наполнены искренностью, равноправием и безусловной любовью. Межличностные отношения героев рассказов Л. Улицкой не всегда идеальны. Но конфликты между героями не доходят до крайней точки, они либо протекают подспудно, либо разрешаются путём компромиссов. Искренние и дружественные контакты между героями различных социальных категорий и национальностей у этого автора презентуются в большом количестве;

4) отношения героев с окружающим миром и его ценностями у обеих писательниц выстроены в различных системах координат. Мир героя, созданного белорусским автором, неуютен, зыбок, наполнен угрозой бесцеремонного вторжения в частную жизнь. *«Любовь – это апельсиновая долька под ногами толпы»*, – пишет А. Браво. Пространство вокруг отравлено иллюзорным застоём, подавленными комплексами неполноценности и несбыточными желаниями. Семья, увы, не является *«домом и крепостью»*, она отсутствует в жизни персонажа, замещаясь то *«чудом проросшей лимонной косточкой»*, то детьми. Потому-то и настоящих ценностей, сокровенного, тайного героини Браво за душой практически не имеют. Ощущая внутреннюю пустоту, они отдают свои душевные силы без остатка *«стеклянному яйцу»*, которое рано или поздно утрачивается.

Мир Л. Улицкой, будучи также по-своему убогим, но *убогим «обаятельно»* (по мнению критиков), служит маленьким уютным *гнёздышком*, микрокосмом, в котором каждый герой мог укрыться от житейских бурь. Пусть гнёздышко это свито из привычек, доведённых до автоматизма, маленьких невинных слабостей и тех же иллюзий, но весь этот «материал» – неотъемлемая часть души каждого героя, не навязанный извне, а осознанно и с чувством встроенный в личную жизнь. Старая сумка тётушки Генеле – чистый аналог «стеклянного яйца» – у Браво выступает символом не инфантильного эгоизма, а связи и взаимопомощи между близкими. Герои не страшатся его утратить. Ведь *«содержимое гнёздышка»* – это тот *«секретик»*, то сокровенное библейское *«сокровище души, которое не уничтожит ни влага, ни ржа»*. Да, «счастливые» Маттиас и Берта утратили любимого сына, да, Бронька не имела возможности долго, открыто и законно жить с любимым человеком, но в их душах всегда будут жить родные им люди, сердце будет согревать память о них;

5) противостояние человека и государства также обыгрывается у писательниц различными путями. Государство Улицкой – абстрактная категория, история – безликий *«ветер судьбы»*, против которого герои

активно не протестуют, а стремятся к нему приспособляться. Семья и тёплые отношения в ней для описанных в изобилии «русских евреев» важнее всякого недовольства. Государство для А. Браво – источник зла, «обыкновенного, житейского, бытового», которое непременно следует «разглядеть».

Безусловно, данные расхождения в творчестве писательниц легко объяснить их принадлежностью к различным национальностям, с различной ментальностью и степенью сохранности традиций. Неслучайно еврейский мальчик Вовочка у Людмилы Улицкой сначала освоил алфавит иврита, а затем русского языка, а белорусская девочка-рассказчица у Алены Браво нещадно осмеивалась матерью за стихи на «матчной мове». Ведь ментальность народа – краеугольный камень как внутрисемейных отношений, так отношений с соплеменниками, с миром в целом, что и стремились отразить оба автора. Именно ментальность влияет на мировосприятие писателя, которое основательно держится за традиции, за славное прошлое, наполненное или житейским смыслом, или голым и злым интернационализмом, возникшим после насильственного выброса «матчынага скарба» с «парохода современности» «старэйшымі братамі» и новоиспечёнными манкуртами. Потому и роли для своих героев выбраны А. Браво и Л. Улицкой контрастные (Воитель и Смотритель), сценарии их поведения также не совпадают: —*Увидеть зло – уничтожить зло*! (1), —*Принять и понять*! (2); —*Жизнь – это борьба!*! (1), —*Se la vie!*! (2).

Таким образом, разное видение мира, разные способы создания образов, стилистика повестей и рассказов позволяют наметить ряд аналогий в творчестве А. Браво и Л. Улицкой: тематическая близость, гендерный подход, общность проблематики, способы обрисовки персонажей. Однако каждый из авторов создает свою типологию литературных героев. Жанры малой эпической прозы у Л. Улицкой более сложны по своей структуре и затрагивают более широкий спектр человеческих взаимоотношений. А. Браво ратует за равномерное распределение женских и мужских ролей, отмечает их равнозначность и равноправие.